

ЕЛИЗАВЕТА ГАВРИЛОВНА С УЛИЦЫ КОЛХОЗНОЙ

ЕДВА нечаянно, улица Советская заканчивается туликом. Но ерничать по этому поводу не хочется. Толчусь на заезженном платке: пусто, тихо, холодно. Серые избы увязли в сугробах, и ными воротам нет и тропинки. В морозном небе ни дыма — отполились спозаранку, спят, дрова экономят! На магазине амбарный замок. Это не глухомань, это Битимка.

Поворачиваю на Колхозную, с надеждой поглядывая на печные трубы, на оконные ставни. Наконец-то пахнула жилым, меня услышали и через глухой двор вткнули в избу, не спрашивая ни мивки, ни документа. Исконная деревенская открытость, когда и собаку держат при доме не сторожем: брешет беззлочно и резвится, словно радуется.

— Деревенские мы, верно, — Елизавета Гавриловна скидывает шубейку и манит меня в маленькую горницу. Никелированная кровать, диван, старенький телевизор... Немного нажито за долгую жизнь.

— А, — машет рукой, — не в шмотках счастье.

А в чем, она и сама не знает. Помнит, была когда-то большая семья, у семьи — своя земля, земля рожала гречу, просо, овощи, корма для скота, но это давно, — настолько давно, будто в другой жизни. А все остальное время Елизавета Гавриловна батрачила на государственные закрома.

— Так Сталин как велел? С каждого двора по сорок кило мяса, триста двадцать пять литров молока и сотне яиц. Есть, нету, а выложи.

— Неужто помните?

— Помню, пища, не съмлеваясь.

Чувствую себя, как зритель в темном кинозале: вот-вот, и мимолетная картина превратится неожиданным, ярким кадром. Но куда не прискодит, семьдесят три года уместились в часовой беседе с заезжим журналистом, и радости в выцветших глазах не мелькнуло. Жила и жила, и как бы перестройка эта проклятая все не смешалась... Она никому никуда не ставит в укор: ни резервных деревень на родина, в Артинском районе, ни того, что недавно пришлось лишиться коровы-кормилицы (Мы тут чулки, прищипки, все лапсы у нас по своим подделаны). И даже зять-мужика пьющего, несамостоятельного — бранит без злобы. Она надеется только на себя, потому что на руках еще сын и невестка — неработающие инвалиды. Советская пропаганда убедила бабу Пизу, что так и должно, что человек рождается не для улады и прокся, а только лишь для тяжкого труда на благо и процветание самого гуманного и прекрасного общества.

Она провожает меня со вздохом:

— Я думаю, ничего у нынешних властей не получится. Не возьмут мужики землю. Даныги испортили народ. А ты дальше по Колхозной не ходи, тут больше старики да дачники. Из ворот и прямиком на Совхозную...

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ И ДРУГИЕ С УЛИЦЫ СОВХОЗНОЙ

СМЫЧКА города с деревней по-трущевски потерпела фиаско. Шефство города над деревней, силком внедряемое

ДЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

последовательными Никиты Сергеевичем, Костянтином и Барьером. С той и другой стороны еще не стреляют, но уже делается. В городе то и дело слышится: цены взвинтили, инвентарь, мы на их полях больше ни поганой сажки вырастим — сами съедим.

— Нас, всегда дядя, как лихну, дерут и сейчас. Попробовали молоко по семь рублей продавать, получали по рублю: пятерки и бабки. А сейчас железная машина в десять раз подорожала. Вы спасите у деревню, сколько молодежи стелет.

Я не спросила. Я только взглянула на их лица и походы, чтобы понять: за молоко милициантами расплачиваются молодостью. Вышли на автобус, который подкинул их для короткой передышки в казарменный поселок, и тяжело побрели по домам, бросив на ходу: «Наши фермы в собственности возьмет только самодурбия. Мы живем без прудуд: день прошел, и слово Богу».

Но принудили все же забродили в здешних умах. В январе битимицы решили преобразоваться в товарищество с ограниченной ответственностью, обезудили на конференции, однако ко многим головам изрядная путаница: советок ли, товарищество — каких различия, как горбатились, так и будут. — Землю делить и заманчиво, и страшно. Заманчиво: самая заводская земля и лучшие дачи наследство. Страшно: самые дюжины умом и руками мужики, получив свой пай, выйдут из того же товари-

щества — как без них жить остальным!

Помня пророчество Елизаветы Гавриловны насчет земельных настраний избалованных деньгами сельчан, спрашивала всякого встречного: а есть ли такие, что рисуют? Понимали плечами: ну разве что Шербаков — эдакий куанд и вообще человек при добрых руках.

— Так возьмете, Юрий Иванович?

— Не знаю, не знаю, — начал осторожно. — Я бы и не против, но правительств что-то крутит. Сами сидите, ну, возьму, ну, подытожусь и лет так через пять на ноги встану, а мне сверху приветик: будь добр презентовать восемьдесят гектаров государству. А у меня долги, как шолка, и той поре неволокно, пока строился, технику получил. Ярко на шее себе и детям, ведь проклянут. Мне ничего не надо только твердой закон, чтоб зная столько отдаю, остальное мне, неприкосновенное ни для каких властей.

Мужики, оставшиеся было нас для разговора, потащили назад в загадочный закуток, обступили. Он болит в них эта тема.

— Никиты хозяйствовать в одиночку — рис и мата. Друг у меня в Алалеевское ферму взял, так всю семью завачали, сам же в багартельезде: то достать, другое, третье.

— За трактор надо 786 тысяч выложить. У вас есть такие деньги? И у нас нет, а у кого-нибудь, того можно расстрелять без суда и следствия за грабеж.

— Нет, если власти город

не обуздает, кормите сами. Задарма хлебушек отдавать не будем, как ни ряди, все цены хлебом меряются. Лучше сгноим.

— Сгноим! Да чуть что, приедут раскучивать, выгребут все подчистую. Было это уж, было.

Вот он, барьер, сколько шагов осталось до него и что дальше? Но эти смурные, настырные люди дают мне отступную, вроде полагали горожанку и хватит.

— Ну а что же дальше, Юрий Иванович?

— А дальше... Землю надо отдать. Всю. Чего кооператив сидят на нем, как собака на сене! Отрезали нынче от нашего поля сто восемьдесят пять гектаров и поделим. Дай Бог с остальным по-хозяйски справиться. Вот ежели мы ума наберемся и совхозное добро меж собой разделим, то столько мужиков бортачей из коллективного хозяйства. Мы уж сами разберемся, с кем кооперироваться, что растить и каким еще промыслом заниматься. Себя прокормим и вас горемычных. Или из надо!

Надо, Юрий Иванович надо. Вы правы, если с обидной перетерпится, то треб, картошку и прочую след нам каждый день подавай. Простите, что у магазинных прилавков пережидывали ваши крестьянские косточки, забывав, что гнет ваш на бесераячих, общестественных, но фактически ивичийных полях покрепче, чем на иной рабочейладельческой фазенде. Увы, тот и гвалт нас на встречу друг другу десятки лет, а любить и уважать старшано не научили. Хоть и сардинты вы на нас, горожан, хоть и много еще в едичи умех сумбурного, но ежели слово овчорочиме для меня убедительнее тронных речей сельских администраторов, которые по-прежнему пудрят нам мозги, что крестьянин уже не крестьянин и земля ему только в обузу.

ЭПИЛОГ

ЭЙ, МАНЯ, эс лебом! Маня в старой шубейке, по брови повязанная платком, потопталась у прилавка, и, протянув десятку, попросила булочки белого, а на остальные пряников. Подогнала у магазин с бабами, обмерила меня колочим взглядом:

— Ишь ты, посинела, как кура щипаная. Не мнись, пойдем, ушел автобус. Теперь сидро не жди.

Она ворчала беззлочно, по-матерински, что февраль — не май, и нечего форсить в «стеленных чулках и заморских полусалопках, что взяли моду, а телевизор гляючи, а валенки, боти, дешевле и нове в них волшеб. Поглом отперла набу, достала с печи чайник и выложила передо мной все четыре мултленных пряника: не хлебом ке гостью потчевать. Пряники не лезли мне в горло.

— Ну, рассказывай, и чому приедала.

Я рассказала. Она кивала головой в ситесом старбушем платке и постоваля: «Надо же». Про себя отвечала коротко: «Недолго уже осталось, отжили мы свое». Но я видела ее руки, ее иссушенное лицо, ее бедную горенку и думала, что знаю главное про бабу Маню: она тоже положила жизнь на алтарь земельной революции, сядшочной российскими воедтами мирового пролетариата и крестьянства.

Она еще раз ругнула меня, теперь уже за непотакую сумку, в которой и поледра картошки не поместится. Принесла картошки, крупы, мистой, сыллала в полиэтиленовой мешочек и денег не взяла.

С Колхозной на Советскую хаворочила рейсовый автобус. На паташе уже было людно, а на душе спокойнее и веселее.

Л. МИЛЯВСКАЯ,
Фотоиллюстрация
В. ЗОТОВА.